

УДК 342.413

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-1-79-89

Московская «конституция»: княжеские духовные грамоты и докончанья как основа политического устройства Руси

Пенская Т.М.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. За десятилетия изучения устройства и функционирования политической системы Русской земли в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени было создано немало оригинальных теорий относительно политической природы позднесредневековой и раннемодерной русской государственности. Данное исследование продолжает традицию изучения характерных черт политического устройства Русской земли, однако в качестве основы впервые предложено использовать трактовку термина «конституция», которую дал Г. Еллинека. В работе показано, что основы «конституционного» строя Руси находятся в княжеских духовных грамотах и межкняжеских договорах-докончаньях смешанного, частно-правового и публично-правового характера. Сделан вывод о том, что изложенные в них принципы межкняжеских отношений формировали основу русской политической системы в удельный период и после корректировки по итогам междоусобной войны 2-й четверти XV в. – 2-й половины XV в., на протяжении большей части следующего столетия.

Ключевые слова: Средневековье, Раннее Новое время, Русское государство, право, конституционный порядок, политический строй, межкняжеские договоры, духовные грамоты

Для цитирования: Пенская Т.М. 2024. Московская «конституция»: княжеские духовные грамоты и докончанья как основа политического устройства Руси. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(1): 79–89. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-79-89

Moscow "Constitution": Princely Testaments and Agreements as the Basis of the Political Structure of Rus'

Tatyana M. Penskaya

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russia
penskaya@bsu.edu.ru

Abstract. Over decades of studying the structure and functioning of the political system of the Russian land in the era of the late Middle Ages and Early Modern Times, many original theories were created regarding the political nature of the late medieval and early modern Russian statehood. This article continues the tradition of studying the characteristic features of the political structure of the Russian land, but for the first time it was proposed to use the interpretation of the term “constitution” given by G. Jellinek as a basis. The work shows that the foundations of the “constitutional” system of Rus' are found in princely spiritual charters and inter-princely agreements of a mixed, private-legal and public-legal nature. It is concluded that the principles of inter-princely relations set out in them formed the basis of the Russian political system in the appanage period and, after adjustment following the results of the internecine war of the 2nd quarter of the 15th century – in the 2nd half of the 15th century, throughout most of the next century.

Keywords: The Middle Ages, Early Modern Times, Russian state, the right, constitutional order, political system, princely contracts, princely testaments

For citation: Penskaya T.M. 2024. Moscow "Constitution": Princely Testaments and Agreements as the Basis of the Political Structure of Rus'. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(1): 79–89 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-79-89

Введение

В 2001 году И.П. Медведев задал неожиданный вопрос: «Была ли в Византии конституция?» [2001]. Неожиданный, так как византийское самодержавие и конституция – понятия несочетаемые, – с одной стороны, самодержавие само по себе отрицает существование каких-либо ограничений своей власти, а с другой стороны, «в Византии, как, впрочем, и в любом другом средневековом государстве, не было конституционных документов или законов в формальном и точном значении этого слова» [Медведев, 2019, с. 29, 30]. Тем не менее ряд историков считали возможным вести речь о своего рода неписаной «конституции» Византии [Beck, 1970; Pieler, 1981 et al.; Kaldellis, 2015].

Почему стала возможной такая постановка вопроса? Здесь необходимо вспомнить об определении конституции, которое дал Г. Еллинек: «Конституция государства обнимает... совокупность правоположений, определяющих высшие органы государства, порядок призвания их к отправлению их функций, их взаимные отношения и компетенцию, а также принципиальное положение индивида по отношению к государственной власти» [Еллинек, 1903, с. 335]. Развивая этот тезис, П. Пиелер считал, что «*определенный порядок, согласно которому формируется и осуществляется воля государства, который возлагает определенные полномочия на определенные органы и, наконец, регулирует положение членов государства в нем и по отношению к нему – такой порядок может быть назван конституцией, даже если он не нашел законодательного выражения или не оформлен в виде соответствующих нормативных актов* (выделено нами. – Т.П.)...» [Pieler, 1981, p. 225].

Из сказанного следует, что конституция – это любой устоявшийся порядок вещей в политической сфере, признаваемый всеми действующими ее субъектами, руководствующимися в своей деятельности ее принципами. При этом такой порядок не обязательно должен быть выражен в некоей хартии – он может существовать и в неписаной форме. Его устойчивость от этого не становится меньшей, ибо в традиционном обществе, в котором религия играет чрезвычайно важную роль, обычай как часть существующего с момента сотворения мира космического порядка, отражающего волю Творца, незыблем, трогать его – богохульство [Суриков, 2018]. В этом его преимущество перед человеческими законами – то, что создано людьми, ими же может быть изменено, волю же высших сил никому из смертных изменить не дано.

Межкняжеские соглашения и духовные грамоты как основа русской «конституции»

Зададимся вопросом: а что будет, если применить византийский «конституционный» казус к русским реалиям? И снова мы оказываемся в двусмысленной ситуации – может ли российское самодержавие сочетаться с «конституцией»? Еще с XVI века с легкой руки иностранных наблюдателей устоялось мнение об абсолютной власти московских государей. Достаточно вспомнить ставшие классическими слова имперского дипломата и мемуариста С. Герберштейна о безграничной власти Василия III: «Властью, которую он имеет над своими подданными, он далеко превосходит всех монархов целого мира... Всех одинаково он гнетет жестоким рабством» [Герберштейн, 2008, с. 89]. Печальная судьба его придворного Берсеня Беклемишева [Зимин, 1972, с. 288] как будто подтверждает эту характеристику.

Тем не менее, если мы будем исходить из толкования термина «конституция» Г. Еллинеком и П. Пилером [Еллинек, 1903; Pieler, 1981], то, отбросив стереотипы, придем к выводу – «конституция» в Московском государстве существовала. Она не была оформлена в виде отдельной «хартии», но отсутствие ее в такой форме не означает, что отдельные положения ее не могли быть зафиксированы в актовых материалах той эпохи. Следовательно, эти отдельные «конституционные статьи» можно выделить и свести в систему правовых норм как первооснову политической системы Русской земли.

Можно ли осуществить реконструкцию этой неписанной русской «конституции»? На наш взгляд – да, но при соблюдении одного условия. Его озвучил Г.-Г. Бек – не стоит смешивать *Kaiseridee* с *Staatsrecht* [Beck, 1970, s. 9], комплекс книжных политических идей и реально действующее публичное право. Поэтому в нашей реконструкции мы будем опираться не на политические сочинения той эпохи, а на актовые материалы – великокняжеские духовные грамоты и дополнявшие их межкняжеские dokonчания.

Благодаря своему содержанию эти акты с конца XVIII века, когда русский просветитель Н.И. Новиков опубликовал некоторые из них [Древняя..., 1788], стали объектом изучения для отечественных ученых. При этом, как отмечал Г.В. Семенченко, «юридический принцип, положенный в основу публикаций большинства изданий актовых источников, во многом предопределил обилие в дореволюционной историографии работ, посвященных историко-юридическому анализу русских завещаний» [Семенченко, 1983, с. 5]. Показательным в этом отношении можно считать очерк Б.Н. Чичерина, посвященный анализу духовных грамот как юридических актов [Чичерин, 1858]. Правда, интерес русских правоведов дореволюционной эпохи к этим актам был несколько иным, чем у историков – их современников. Как отмечал В.А. Кучкин, «они изучали то, что мало интересовало историков: договорные права контрагентов, юридические положения различных групп населения, функционирование судебной власти», что отражало запрос русского общества эпохи «великих реформ» императора Александра II. Но, продолжал далее историк, «с течением времени этот интерес уменьшился, а после революции 1917 года угас совсем, и в советское время историки права к научному анализу междукняжеских договорных грамот уже не возвращались» [Кучкин, 2003, с. 5].

Противоречивым было отношение к духовным грамотам и со стороны исторического сообщества, на что указывал в свое время В.О. Ключевский [Ключевский, 1989, с. 277. Ср.: Владимирский-Буданов, 1900; Дебольский, 1903; Дювернуа, 1869; Сергеевич, 1908; Соловьев, 1988]. Оценка, данная Ключевским содержанию княжеских духовных грамот, довольно двусмысленна, ибо, указывая на сиюминутный характер межкняжеских соглашений и частнопредовой характер княжеских духовных грамот, он говорил, что они содержат положения, определявшие облик системы политических отношений и результат их практического действия, то есть имели «долгоиграющий» и публично-предовой характер.

В советской и постсоветской историографии традиция активного использования текстов княжеских грамот, в особенности после того, как в 1950 году вышел подготовленный Л.В. Черепниным сборник духовных грамот великих и удельных князей [Духовные..., 1950], была продолжена [Алексеев, 1991; Алексеев, 1987; Зимин, 1991; Кинев, 2012; Корзинин, 2022; Мавродин, 2009; Черепнин, 1960]. Практически ни одна работа, которая касалась политического развития Руси и России в эпоху Средневековья и раннего Нового времени, не обходилась без опоры на эти важные источники. Особенной популярностью среди исследователей пользовалось завещание Дмитрия Донского, ибо заложенная в него двусмысленность принципов наследования власти стала причиной многолетней усобицы во 2-й пол. 20-х – нач. 50-х гг. XV в. [Фетищев, 2003]. Однако вывод, сделанный Л.В. Черепниным еще в 1948 году, о недостаточном использовании духовных грамот для изучения особенностей политогенеза на Руси [Черепнин, 1948, с. 11]) остается в силе и сегодня. Поэтому имеет смысл вернуться к этому вопросу снова, рассмотрев княжеские

докончания и духовные грамоты как акты, конституирующие политический строй Русской земли на переходном этапе от средневековой «конфедерации» княжеств и земель к централизируемому раннемодерному государству.

Роль, которую сыграли духовные грамоты в формировании русской «конституции», можно объяснить, если увязать ее с архаичностью права на Руси. Она во многом была обусловлена тем, что русская культура не получила, по словам В.М. Живова, «римской прививки» [Живов, 2002, с. 206]. В итоге русское право не было четко разделено на публичное и частное, и предсмертные распоряжения великих и удельных князей касались не только их частной жизни. Поэтому не случайно С.М. Каштанов относил княжеские духовные грамоты к публично-правовым актам, подчеркивая при этом, что они могут считаться грамотами «духовно-законодательного вида с элементами частно-правового распоряжения (выделено нами. – Т.П.)...» [Каштанов, 1988, с. 150].

Вместе с тем духовные грамоты были только одной частью комплекса русских конституционных актов. К другой относились договоры между великими князьями и их «меньшой братьей» – князьями удельными. Они составлялись как необходимое дополнение к духовным грамотам, утверждая порядок взаимоотношений между наследниками в рамках политической системы, о которой Ю.Г. Алексеев писал, что «Русская земля... представляла собой пеструю мозаику княжеств и городов, связанных сложной системой договоров и феодальной традицией (выделено нами. – Т.П.)...» [Алексеев, 1991, с. 60]. Традиция же, обычай, указывал А.Я. Гуревич, «это то, с чем все согласны и добровольно уважают, ибо он не только обязателен, но и правилен, справедлив» [Гуревич, 2007, с. 135]. Ее фиксация в акте имела своей целью не только сохранение памяти о предках [Духовные..., 1950, с. 14], но и сделать обычай нерушимым. «Нормы, зафиксированные в законе, – писал А. Гуревич, – становились неизменными... закон приобретал независимое бытие, отвлечался от породивших его обстоятельств. Самое же существенное было то, что запись права вела к своего рода «отчуждению» его от его творцов, которые впредь уже не могли оказать на него своего воздействия и изменить его (выделено нами. – Т.П.)...» [Гуревич, 2007, с. 152. Ср.: Груша, 2019, с. 148, 149]. Таким образом, обычай, записанный в княжеских грамотах, терял свою изменчивость и становился *ultima ratio* на случай возникновения разного рода правовых коллизий в межкняжеских отношениях.

Русская политическая «старина»:

братское совладение и братство как основа межкняжеских отношений

На какую «старину» ориентировались русские князья? А.В. Назаренко [2009], характеризуя отношения, которые сложились между князьями-Рюриковичами на заре существования Древнерусского государства, с опорой на завещание Ярослава Мудрого и аналогии с обычаем передачи власти у франкских королей-Меровингов, пришел к выводу, что «главнейшей чертой, которая определяла династический строй во многих раннесредневековых государствах Европы, был взгляд на государство как на патримоний – семейное владение, подлежащее передаче от отца ко всей совокупности его сыновей-наследников». При наличии нескольких наследников в действие вступал принцип, названный исследователем *corpus fratrum*, «братским совладением», дополненный позднее принципом старейшинства, по которому «старейший» брат выступал «в отца место» и гарантировал своим авторитетом и влиянием устойчивость политической системы [Назаренко, 2009а, с. 45; Назаренко, 2009б, с. 7]. Залогом же выполнения им этих функций являлось наделение его лучшей, наиболее освоенной частью «отчины» [Назаренко, 2009а, с. 73-74]. При этом, указывал Назаренко, раздел государства-патримония на уделы не означал немедленного его распада – политическое единство государства находило свое отражение в единстве правящего рода [Назаренко, 2009а, с. 51].

В рамках этого обычая и действовал Иван Калита, духовная грамота которого является самой ранней из сохранившихся аналогичных актов московских князей. Отправляясь

в Орду, Иван составил духовную грамоту, в которой «приказал» «сыном своим очину свою Москву (выделено нами. – Т.П.)...» [Духовные..., 1950, с. 7, 9]. Использованный князем словооборот не оставляет сомнений в том, что перед нами распоряжение, выдержанное в духе *corpus fratrum*, тем более, что Иван Калита наделяет своих старших сыновей, Семена, Ивана и Андрея, примерно равными уделами. При этом князь подчеркнул, что если татарскими происками будут утрачены некоторые волости, то оставшиеся должны быть снова перераспределены «на то место» [Духовные..., 1950, с. 8, 10]. И еще одно положение: великий князь «приказывал» своему старшему сыну Семену «братью твою младшую и княгиню свою с меньшими детьми, по Бозе ты им будешь печалник» [Духовные..., 1950, с. 8, 10]. Сравнивая этот «приказ» с наказом Ярослава Мудрого старшему сыну Изяславу [Повесть..., 1999, с. 70], легко заметить, что духовная грамота Ивана Калиты сохраняла традиционный дух, с тем лишь отличием от «Завещания» Ярослава, что была зафиксирована в тексте.

Духовная грамота Ивана Калиты, создавшая внешний «контур» политического пространства Московского княжества, была дополнена крестоцеловальной грамотой его старших сыновей. Церемония крестоцелования состоялась «оу отня гроба», подчеркивая тем самым преемственность власти и придавая ей высшую, сакральную легитимность. Братья, пообещав «быти ны заодин до живота», подробно расписали порядок управления общим владением, в котором особо выделялась роль Семена. Его «младшая братья» обещала «имети» и «чтити» как «брата своего старейшего» «в отцево место». В свою очередь, «брат старейший» обязывался свою «младшую братью» «имети» (далее в тексте грамоте пробел, текст строки не сохранился, но реконструируется по позднейшим докончаньям) «в братстве» [Духовные..., 1950, с. 11, 20].

Характеризуя «братство», А.И. Филюшкин отмечал, что оно в межкняжеских отношениях означало «особый тип отношений, который в современной терминологии можно истолковать как «добрососедские отношения при уважении суверенитета друг друга (выделено нами. – Т.П.)...» [Филюшкин, 2006, с. 228]. Отметим, что идея княжеского суверенитета являлась краеугольным камнем русской «конституции» удельного периода. В крестоцеловальной грамоте Ивановичей этот принцип был сформулирован так: «Как оны отец наш роздел дал, того ти под нами блюсти, а не обидети» (фраза в грамоте неполная – ее начало отсутствует) [Духовные и договорные грамоты, 1950, с. 11]. Таким образом, братья договаривались о том, что в своих уделах они сохраняют полную автономию и не вмешиваются во внутренние дела друг друга. Подтверждением этого обещания служит ряд других пассажей в договоре, по которым его участники взаимно обязывались, согласно реконструированному по аналогии с позднейшими докончаниями тексту грамоты, «данщиков своих и приставов не всылати», равно как в «братском» «оуделе сел не купити» ни сами князьям, ни их боярам или слугам [Духовные..., 1950, с. 11, 20].

Конечно, духовная грамота Ивана Калиты и докончанья его сыновей не были первыми подобного рода юридическими актами, регламентировавшими межкняжеские отношения и потому считавшимися своего рода «конституционными» актами. «Все новое добро есть, но ветхое всего лучши есть и сильнее» – эта максима из «Пчелы» [Розанов, 1904, с. 34], популярного тогда сборника всякой премудрости, предполагала в нашем случае, что и великий князь, и его дети исходили из устоявшихся образцов, воспроизводя и дух, и букву этих более ранних документов. Другое дело, что перед нами первые сохранившиеся такого рода акты, которые легли в основу последующих княжеских грамот «конституционного» характера. И если обратиться к их текстам, то мы увидим, что принципы, обозначенные в духовной грамоте Калиты и докончанье его сыновей, получили свое продолжение и развитие.

При этом, что примечательно, характерные словообороты, оставлявшие формулы духовных и докончаний, оставались практически неизменными на протяжении долгого времени, тем самым подчеркивая стабильность установленного прежде порядка. Это каса-

ется прежде всего упомянутого выше важнейшего принципа политического устройства Русской земли, выраженного в словах «в вотчину и в удел... блюсти, а не обидети, и не вступатися» [Духовные..., 1950, с. 369, 416].

Эта повторяющаяся раз за разом формула включала в себя один и тот же принцип, который недвусмысленно характеризовал саму основу межкняжеских отношений. И великий князь, и его «молодая братья» обязывались взаимно не вмешиваться в дела друг друга и соблюдать суверенитет каждого из участников соглашения в своем «домене-отчине». Сила традиции была настолько велика, что и Иван III, и Василий III, которых никто не мог бы назвать правителями, склонными к мягкотелости и излишней тяге к компромиссам, в своих духовных и докончаниях с братьями раз за разом повторяли ее. В том, что дело обстояло именно так, можно убедиться, если сравнить тексты их грамот с договором, заключенным между Дмитрием Ивановичем и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем около 1367 года. И в этом докончании речь шла о признании Дмитрия Ивановича Владимиром Андреевичем «братом старейшим» «в отца место», Дмитрий же Иванович обещал держать Владимира «в братстве». И, само собой, оба князя взаимно обязывались не вмешиваться во внутренние дела друг друга («тобе знати свою очина, а мне знати свою очина») [Духовные..., 1950, с. 19].

Также обстоит дело и с духовными грамотами великих князей. Воспитанные в традиционном духе, князья и мыслили соответствующим политическими категориями. И Иван III, и Василий III, и даже Иван IV – все они действовали в рамках традиции, последовательно наделяя своих сыновей уделами, но подчеркивали в своих духовных грамотах особую роль старшего сына. Наказывая своим детям жить «заодин», князья требовали от младших сыновей послушания старшему, который будет им «в отца место», а от старшего – держать младшую братью «в братстве, без обиды» [Духовные..., 1950, с. 33, 36].

«Собирание власти» и судьба «братства»

Особенностью действий русских князей в рассматриваемый период было то, что хотя они и выступали в своих грамотах поборниками «старинны» и заповеданных отцами и дедами «конституционных» принципов политического устройства Русской земли, тем не менее, суровая реальность вносила коррективы в их действия. В начале XIV века был запущен процесс «собирания земель», а вместе с ним и процесс «собирания власти» великими князьями. Со временем он неизбежно должен был привести к положению, которое первым озвучил тверской князь Борис Александрович в договоре с великим князем литовским Витовтом – «дядьям моим, и братье моеи, и племени моему, князем, быти в моем послуше. Юз, князь велики Борис Александрович, волен, кого жалую, кого казню (выделено нами. – Т.П.)...» [Духовные..., 1950, с. 67].

Это концентрация власти в руках великого князя противоречила идее *corpus fratrum*. И тверской князь был не одинок в этом – по мнению А.А. Зимина, в том же направлении действовал и Юрий Дмитриевич, дядя Василия II [Зимин, 1991, с. 67]. Василий II, одолевший в долгой борьбе своих двоюродных братьев Юрьевичей и «перебравший людишек» во время этой усобицы, не пошел, однако, по пути дяди. За это он удостоился упреков со стороны и А.А. Зимина, и Ю.Г. Алексеева. Последний, в частности, писал, что Василий, «энергичный борец с удельными князьями... рубил сучья, не трогая корне», поскольку «в своем представлении о сущности великокняжеской власти он не поднимался выше уровня традиционного мышления», согласно которому «Русская земля в его [Василия II] глазах, как и прежде, была совокупностью княжеств» [Алексеев, 1991, с. 61].

Справедливы ли такие упреки? На наш взгляд, нет. Мы полагаем, что отказ Василия от действий в духе Бориса и Юрия был продиктован политическими соображениями – он вышел победителем в усобице именно потому, что выставил себя в роли защитника «старинны». Но есть и вторая причина, по которой великий князь выбрал такой путь – традиционализм его мышления, который вовсе не был чем-то необыкновенным. Ориентирован-

ность на «старину» была характерна для средневекового менталитета. Общество той эпохи как социум аграрной «первой волны [Тоффлер, 2004, с. 38], было «холодным» (К. Леви-Стросс), ориентированным на сохранение и воспроизводство «старины», ибо, как отмечал отечественный исследователь С.Д. Домников, «сплетение традиций образует замкнутую систему передачи социально значимого опыта, обеспечивающего полноценную жизнедеятельность целостного социального организма (выделено нами. – Т.П.)...» [Домников, 2002, с. 22]. Так что к русским князьям вполне применим принцип, который великие литовские князья выразили в формуле: «Мы старины не рушаем а новины не уводим» [Lietuvos Metrica, 2007, s. 170]. И когда Ю.Г. Алексеев писал, что перед Иваном III на пути той самой концентрации власти было два варианта действий, «коренная ломка прежних социально-правовых институтов вчерашнего удельного княжества и замена их институтами новыми, сконструированными по воле великого князя и максимально отвечающими конкретным политическим потребностям», и «сохранение сложившихся институтов в модифицированном виде: приспособление их к новым реалиям» [Алексеев, 2001, с. 104], то его отец оказался в подобной же ситуации и, решая эту проблему, сознательно встал на второй путь.

Этот выбор князь наглядно продемонстрировал в своем завещании. Наделяя своих сыновей уделами по старому обычаю, он вместе с тем отказался от традиции уравнительного распределения земель. А.А. Зимин писал, что Василий передал в распоряжение старшего сына шестнадцать самых крупных городов с уездами, а остальные его сыновья получили только двенадцать. При этом, писал А.А. Зимин, «территориальная структура новых уделов резко отличалась от прежней». Новые уделы нарезались из земель, принадлежавших ранее родственникам Василия II, но перешедших в ходе усобицы под управление великого князя и «уезженных» его администраторами (что создавало условия и для перераспределения уделов, и для их ликвидации с возвращением под власть великого князя) [Зимин, 1991]. Иван III пошел еще дальше отца. В своем завещании он устанавливал порядок, по которому выморочные уделы автоматически переходили под управление великокняжеской администрации, образуя часть великокняжеского «домена». Тем самым «младшая братья» лишалась права на долю этого наследства [Духовные..., 1950, с. 362]. Процесс пересмотра «старины» был запущен.

Заключение

Corpus fratrum и связанная с ним система политических отношений явочным порядком уходила в прошлое, а «конституция» Русского государства «редактировалась» в соответствии с новыми реалиями. Основа ее формально оставалась в силе – великие князья боролись не с системой, но с конкретными людьми, – но в ходе этой борьбы они вносили в «конституцию» выхолащивавшие ее сущность изменения. И что с того, что в межкняжеских докончаниях оставалась старая норма «блюсти, и не обидити, ни вступатися», если старший брат имел земель, людей и средств больше, чем любой его меньший брат или даже их коалиция. Собственно говоря, именно это и случилось в 1479–1480 гг., когда братья Ивана III, Борис Волоцкий и Андрей Углицкий, подняли против великого князя мятеж, мотивируя этот шаг тем, что их старший брат нарушал привычный порядок *corpus fratrum* и «уже ни за бояр почел братью свою» [Львовская летопись, 2005, с. 336].

Сложно не согласиться с мнением Ю.Г. Алексеева [1989], который, характеризуя выдвинутые во время княжеской фронды требования младших братьев Ивана III, писал, что их политическая «программа» состояла в том, чтобы сохранить старый порядок, но распространив его на всю территорию формирующегося Русского государства [Алексеев, 1989, с. 33]. Своим мятежом братья Ивана III попытались вернуть старую «конституцию», но потерпели неудачу и тем самым ускорили перемены в русском политическом устройстве. «Отредактированный» в соответствии с изменившимся реалиями вариант московской «конституции» был закреплен в договорах 80-х гг. XV в. Ивана III с его «младшей

братъей». Эти соглашения и духовная грамота самого Ивана III создавали иную политическую реальность – старую по форме, но новую по содержанию. Средневековье медленно уходило в прошлое, на смену ему шло раннее Новое время, в котором прежние политические отношения и институты или отмирали, или изменялись до неузнаваемости.

Список источников

- Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся. 1766. Ч. I. М., Типография Компании Типографической, 446 с.
- Каштанов С.М. 1988. Русская дипломатика : учебное пособие. М., Высшая школа, 231 с.
- Львовская летопись 2005. В кн.: Полное собрание русских летописей. Т. XX. М., Языки славянских культур, 704 с.
- Повесть временных лет. 1999. М., Наука, 668 с.

Список литературы

- Алексеев Ю.Г. 1991. Государь всея Руси. Новосибирск, Наука, 240 с.
- Алексеев Ю.Г. 1987. Духовные грамоты князей Московского дома XIV в. как источник по истории удельной системы. *Вспомогательные исторические дисциплины*, 18: 93–10.
- Алексеев Ю.Г. 1989. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., Наука, 219 с.
- Алексеев Ю.Г. 2001. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., Дмитрий Буланин, 448 с.
- Владимирский-Буданов М.Ф. 1900. Обзор истории русского права. СПб.-Киев, изд. Н.Я. Оглоблина, 687 с.
- Груша А.И. 2019. Кризис доверия? Появление и утверждение правого документа в Великом Княжестве Литовском (конец XIV – первая треть XVI в.). М.-СПб, Центр гуманитарных инициатив, 608 с.
- Гуревич А.Я. 2007. Категории средневековой культуры. В кн.: А.Я. Гуревич Избранные труды. Средневековый мир. СПб., издательство Санкт-Петербургского университета: 17–262.
- Дебольский В.Н. 1903. Духовные и договорные грамоты московских князей как историко-географический источник. В кн.: Записки Отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. Т. VI. СПб., Тип.-я И.Н. Скороходова: 1–57.
- Домников С.Д. 2002. Мать земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. М., Алетейя, 672 с.
- Дювернуа Н.Л. 1869. Источники права и суд в древней Руси. Опыты по истории русского гражданского права. М., Университетская типография, 417 с.
- Еллинек Г. 1903. Право современного государства. Т. I. Общее учение о государстве. СПб., Изд-во Товарищества «Общественная польза», 532 с.
- Живов В.М. 2002. История русского права как лингвосомиотическая проблема. *Postscriptum*. В кн.: Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М., Языки славянской культуры: 291–305.
- Зимин А.А. 1991. Витязь на распутье. Феодалная война в России XV в. М., Мысль, 286 с.
- Зимин А.А. 1972. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории первой трети XVI в.). М., Мысль, 452 с.
- Кинев С.Л. 2012. Духовная грамота великого князя Дмитрия Ивановича и порядок наследования великого княжения в северо-восточной Руси в XV в. *Вестник Омского государственного университета*, 3(63): 99–102.
- Ключевский В.О. 1989. Специальные курсы. В кн.: Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. VI. М., Мысль, 476 с.
- Корзинин А.Л. 2022. Феномен доверия в духовных грамотах московских великих князей в XIV веке. *Управленческое консультирование*, 3: 154–171.
- Кучкин В.А. 2003. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., Древлехранилище, 367 с.
- Мавродин В.В. 2009. Древняя и средневековая Русь. СПб., Наука, 719 с.
- Медведев И.П. 2019. Правовая культура Византийской империи. СПб., Алетейя, 576 с.

- Назаренко А.В. 2009. Династический строй Рюриковичей X–XII веков в сравнительно-историческом освещении. В кн.: Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке: 47–87.
- Назаренко А.В. 2009. Древнерусское династическое старейшинство по «Ряду» Ярослава Мудрого и его типологические параллели – реальные и мнимые. В кн.: Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). М., Русский Фонд Содействия Образованию и Науке: 7–28.
- Розанов С.П. 1904. Материалы по истории русских пчел. В кн.: Общество любителей древней письменности. Санкт-Петербург, О-[во] Л[юбителей] Д[ревней] П[исьменности], 128 с.
- Семенченко Г.В. 1983. Духовные грамоты XIV–XV вв. как исторический источник. Дис. канд. ист. наук. М., Ин-т истории СССР, 171 с.
- Сергеевич В.И. 1908. Древности русского права. Т. II. Вече и князь. Советники князя. СПб., Тип.-я М.М. Стасюлевича, 666 с.
- Соловьев С.М. 1988. История России с древнейших времен. Т. 4. В кн.: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. II. М., Мысль: 345–642.
- Суриков И.Е. 2018. Античная Греция: политогенез, политические и правовые институты (opuscula selecta II). М., Издательский Дом ЯСК, 760 с.
- Тоффлер Э. 2004. Третья волна. М., АСТ, 781 с.
- Фетищев С.А. 2003. Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг. М., Древлехранилище, 224 с.
- Филюшкин А.И. 2008. Титулы русских государей. М.-СПб., Альянс-Архео, 254 с.
- Черепнин Л.В. 1960. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., Соцэкгиз, 899 с.
- Черепнин Л.В. 1948. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. 1-я. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 472 с.
- Чичерин Б.Н. 1858. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. В кн.: Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., Тип.-я Э. Барфкнехта и К^о: 232–375.
- Beck H.-G. 1970. Res Publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner. Munchen, Verlag der Bayrischen Akademie der Wissenschaften, 41 s.
- Kaldellis A. 2015. The Byzantine Republic: People and Power in New Rome. Cambridge-London, Harvard University Press, 308 p.
- Lietuvos Metrica. 2007. Кн. № 6 (1494–1506). Vilnius, LII Leydikla, 516 p.
- Pieler P.E. 1981. Verfassung und rechtsgrundlagen des Byzantinischen states. *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik*. XVI Internationaler Byzantinistenkongress. Wien, 4.-9. oktober. Akten I/1. 31/1: 213–231.

References

- Alekseev Yu.G. 1991. Gosudar` vseya Rusi [Sovereign of All Rus']. Novosibirsk, Nauka Publ., 240 p.
- Alekseev Yu.G. 1987. Duxovny`e gramoty` knyazej Moskovskogo doma XIV v. kak istochnik po istorii udel`noj sistemy` [Testaments of the Princes of the Moscow House of the 14th century as a source on the History of the Specific System]. *Vspomogatel`ny`e istoricheskie discipliny`*, 18: 93–10.
- Alekseev Yu.G. 1989. Osvozhdenie Rusi ot ordy`nskogo iga [Liberation of Rus' from the Horde Yoke]. L., Nauka Publ., 219 p.
- Alekseev Yu.G. 2001. Sudebnik Ivana III. Tradiciya i reforma [Code of Law of Ivan III. Tradition and Reform]. SPb., Dmitrij Bulanin Publ., 448 p.
- Vladimirskij-Budanov M.F. 1899. Obzor istorii russkogo prava [Review of the History of Russian Law]. SPb.-Kiev, N.Ya. Ogloblin Publ., 687 p.
- Gerbershtejn S. 2008. Zapiski o Moskovii [Notes on Muscovy]. V. I. M., Pamyatniki istoricheskoy my`сли Publ., 776 p.
- Grusha A.I. 2019. Krizis doveriya? Poyavlenie i utverzhdenie pravogo dokumenta v Velikom Knyazhestve Litovskom (konecz XIV – pervaya tret` XVI v.) [Crisis of Confidence? The Emergence and Approval of a Legal Document in the Grand Duchy of Lithuania (End of the 14th – First Third of the 16th Century)] M.-SPb., Centr gumanitarny`x iniciativ Publ., 608 p.
- Gurevich A.Ya, 2007. Kategorii srednevekovoj kul`tury` [Categories of Medieval Culture] In: Gurevich A.Ya, Izbranny`e trudy`. Srednevekovy`j mir [Selected Works. Medieval World]. SPb., Saint-Petersburg University Publ.: 17–262.

- Debol'skij V.N. 1903. Duxovny`e i dogovorny`e gramoty` moskovskix knyazej kak istoriko-geograficheskij istochnik [Testament and Contractual Letters of the Moscow Princes as a Historical and Geographical Source]. In: *Zapiski Otdeleniya russkoj i slavyanskoj arxeologii imperatorskogo Russkogo arxeologicheskogo obshhestva* [Notes of the Department of Russian and Slavic Archeology of the Imperial Russian Archaeological Society]. V. VI. SPb., I.N. Skoroxodov Publ.: 1–57.
- Domnikov S.D. 2002. Mat` zemlya i Czar`-gorod. Rossiya kak tradicionnoe obshhestvo [Mother Earth and Tsar City. Russia as a Traditional Society]. M., Aleteja Publ., 672 p.
- Duxovny`e i dogovorny`e gramoty` velikix i udel`ny`x knyazej XIV–XVI vv. 1950. [Testament and Contractual Charters of the Great and Appanage Princes of the XIV–XVI Centuries]. M.-L., AN SSSR Publ., 586 p.
- Dyuvernua N.L. 1869. Istochniki prava i sud v drevnej Rusi. Opy`ty` po istorii russkogo grazhdanskogo prava [Sources of Law and Court in Ancient Rus'. Experiments on the History of Russian Civil Law]. M., Universitetskaya tipografiya Publ., 417 p.
- Ellinek G. 1903. Pravo sovremennogo gosudarstva. T. I. Obshhee uchenie o gosudarstve [Law of the Modern State. T.I. General Doctrine of the State]. SPb., Tovarishhestva Obshhestvennaya pol`za Publ., 532 p.
- Zhivov V.M. 2002. Istoriya russkogo prava kak lingvosemioticheskaya problema. Postscriptum [History of Russian Law as a Linguosemiotic Problem. Postscriptum] In: Zhivov V.M. *Razy`skaniya v oblasti istorii i predy`storii russkoj kul`tury`* [Research in the Field of History and Prehistory of Russian Culture]. M., Yazy`ki slavyanskoj kul`tury` Publ.: 291–305.
- Zimin A.A. 1991. Vityaz` na rasput`e. Feodal`naya vojna v Rossii XV v. [Knight at the Crossroads. Feudal War in Russia in the 15th Century]. M., My`s'l` Publ., 286 p.
- Zimin A.A. 1972. Rossiya na poroge Novogo vremeni (Ocherki politicheskoy istorii pervoj treti XVI v.) [Russia on the Threshold of the New Age (Essays on the Political History of the First Third of the 16th Century)]. M., My`s'l` Publ., 452 p.
- Kinev S.L. 2012. Duxovnaya gramota velikogo knyazya Dmitriya Ivanovicha i poryadok nasledovaniya velikogo knyazheniya v severo-vostochnoj Rusi v XV v. [Testament of Grand Duke Dmitry Ivanovich and the Order of Succession to the Great Reign in Northeastern Rus' in the 15th Century]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3(63): 99–102.
- Klyuchevskij V.O. 1989. Special`ny`e kursy` [Special Courses] In: Klyuchevskij V.O. *Sochineniya v devyati tomax* [Works in Nine Volumes]. V. 6. M., My`s'l` Publ.: 1–476.
- Korzinin A.L. 2022. Fenomen doveriya v duxovny`x gramotax moskovskix velikix knyazej v XIV veke [The Phenomenon of Trust in the Testaments of the Moscow Grand Dukes in the 14th Century]. *Upravlencheskoe konsul`tirovanie*, 3: 154–171
- Kuchkin V.A. 2003. Dogovorny`e gramoty` moskovskix knyazej XIV veka: vneshnepoliticheskie dogovory` [Treaty Letters of the Moscow Princes of the 14th Century: Foreign Policy Treaties]. M., Drevlexranilishhe Publ., 367 p.
- Mavrodin V.V. 2009. Drevnyaya i srednevekovaya Rus` [Ancient and Medieval Rus']. SPb., Nauka Publ., 719 p.
- Medvedev I.P. 2019. Pravovaya kul`tura Vizantijskoj imperii [Legal Culture of the Byzantine Empire]. SPb., Aletejya Publ., 576 p.
- Nazarenko A.V. 2009. Dinasticheskij stroj Ryurikovichej X–XII vekov v sravnitel`no-istoricheskom osveshhenii [The Dynastic System of the Rurikovichs of the 10th – 12th Centuries in Comparative Historical Light] In: Nazarenko A.V. *Drevnyaya Rus` i slavyane (Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy`, 2007 god)* [Ancient Rus' and the Slavs (The Ancient States of Eastern Europe, 2007)]. M., Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ.: 47–87.
- Nazarenko A.V. 2009. Drevnerusskoe dinasticheskoe starejshinstvo po «Ryadu» Yaroslava Mudrogo i ego tipologicheskie paralleli – real`ny`e i mnimy`e [Old Russian Dynastic Eldership According to the “Row” of Yaroslav the Wise and Its Typological Parallels – Real and Imaginary]. In: Nazarenko A.V. *Drevnyaya Rus` i slavyane (Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy`, 2007 god)* [Ancient Rus' and the Slavs (The Ancient States of Eastern Europe, 2007)]. M., Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ.: 7–28.
- Rozanov S.P. 1904. Materialy` po istorii russkix Pchel [Materials on the History of Russian Bees] in *Obshhestvo lyubitelej drevnej pis`mennosti. Pamyatniki drevnej pis`mennosti i iskusstva* [Society of Lovers of Ancient Writing. Monuments of ancient writing and art]. Vy`p. CLIV. M., 128 p.

- Semenchenko G.V. 1983. Duxovny`e gramoty` XIV–XV vv. kak istoricheskij istochnik [Testaments of the XIV–XV Centuries as a Historical Source]. M., Ins-t Istorii AN SSSR, 171 p.
- Sergeevich V.I. 1908. Drevnosti russkogo prava. T. II. Veche i knyaz`. Sovetniki knyazya [Antiquities of Russian Law. V. II. Veche and the Prince. Advisors to the Prince]. SPb., M.M. Stasyulevich Publ., 666 p.
- Solov`ev S.M. 1988. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen [History of Russia from Ancient Times]. In: Solov`ev S.M. Sochineniya [Essays]. M., My`sl` Publ.: 345–642.
- Surikov I.E. 2018. Antichnaja Grecija: politogenez, politicheskie i pravovye instituty (opuscula selecta II) [Ancient Greece: Politogenesis, Political and Legal Institutions (Opuscula Selecta II)]. M., Izdatel'skij Dom JaSK Publ., 760 p.
- Toffler E`. 2004. Tret`ya volna [The Third Wave]. M., AST, 781 p.
- Fetishhev S.A. 2003. Moskovskaya Rus` posle Dmitriya Donskogo: 1389–1395 gg. [Muscovite Rus' After Dmitry Donskoy: 1389–1395]. M., Drevlexranilishhe Publ., 224 p.
- Filyushkin A.I. 2006. Tituly` russkix gosudarej [Titles of Russian Sovereigns]. M.-SPb., Al`yans-Arxeo Publ., 254 p.
- Cherepnin L.V. 1960. Obrazovanie Russkogo centralizovannogo gosudarstva v XIV–XV v. [Formation of the Russian Centralized State in the XIV–XV Centuries]. M.: Socze`kgiz Publ., 899 p.
- Cherepnin L.V. 1948. Russkie feodal`ny`e arxivы` XIV–XV vekov. [Russian Feudal Archives of the XIV–XV Centuries]. Ch. 1-ya. M.-L., AN SSSR Publ., 472 p.
- Chicherin B.N. 1858. Duxovny`e i dogovorny`e gramoty` velikix i udel`ny`x knyazej [Testaments and Contractual Letters of Great and Appanage Princes]. In: Chicherin B.N. Opy`ty` po istorii russkogo prava [Experiments on the History of Russian Law]. M., Tip.-ya E`. Barfknexta i Ko Publ.: 232–375.
- Beck H.-G. 1970. Res Publica Romana. Vom Staatsdenken der Byzantiner. Munchen, Verlag der Baybrischen Akademie der Wissenschaften, 41 p
- Kaldellis A. 2015. The Byzantine Republic: People and Power in New Rome. Cambridge-London, Harvard University Press, 308 p..
- Lietuvos Metrica. 2007. Kn. № 6 (1494–1506). Vilnius, LII Leydikla, 516 p.
- Pieler P.E. 1981. Verfassung und rechtsgrundlagen des Byzantinischen states. *Jahrbuch der Osterreichischen Byzantinistik*. XVI Internationaler Byzantinistenkongress. Wien, 4.-9. Oktober. Akten I/1. 31/1: 213–231.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.09.2023

Received September 10, 2023

Поступила после рецензирования 25.10.2023

Revised October 25, 2023

Принята к публикации 15.11.2023

Accepted November 15, 2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Пенская Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Tatyana M. Penskaya, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID 0000-0001-6548-0226](https://orcid.org/0000-0001-6548-0226)

 [ORCID 0000-0001-6548-0226](https://orcid.org/0000-0001-6548-0226)